

Сюжет героя в повести В. Аксёнова «Затоваренная бочкотара»

The plot of the hero in the story of V. Aksenov "Overstocked barrel"

Витович А.О.

Студент, Воронежский государственный университет
e-mail: anastasia.vitovitch@yandex.ru

Vitovich A.O.

Student, Voronezh State University
e-mail: anastasia.vitovitch@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности формирования сюжета героя в повести В.П. Аксёнова «Затоваренная бочкотара». Он включает в себя такие элементы, как мотивы (среди них самый важный – мотив пути), хронотоп, сны, имена и аллюзии. Автор рассматривает каждый из них как по отдельности, так и включённым в общую систему произведения.

Ключевые слова: сюжет, герой, хронотоп, сны, аллюзии, имя, мотив, Василий Аксёнов, «Затоваренная бочкотара».

Abstract

This article discusses the features of hero plot formation in the story of V. P. Aksenov "Overstocked barrel". It includes elements such as motives (the most important of which is the path motive), chronotope, dreams, names, and allusions. The author considers each of them both individually and as included in the general system of the work.

Keywords: plot, hero, chronotope, dreams, allusions, name, motive, Vasiliy Aksenov, Overstocked barrel.

Повесть Василия Павловича Аксёнова «Затоваренная бочкотара» появилась на закате эпохи «оттепели» – в 1968 г. К этому моменту стало очевидным, что время относительной свободы, в том числе и свободы слова, подошло к концу. Противоречивостью периода – заканчивающаяся свобода, но ещё не исчезнувшие полностью надежды – можно объяснить необычную форму аксёновского произведения. Именно она вызвала неоднозначные оценки критиков. О «Затоваренной бочкотаре» Евгений Сидоров высказался так: «Аксёнов написал странную повесть» [7: 66]. Геннадий Карпенко, говоря об отношении критиков 1960-х годов к творчеству Аксёнова, писал следующее: «Критиков поражал аксёновский способ “разворачивания” образов героев» [2: 22]. Дмитрий Петров, ссылаясь на самого Василия Павловича, отметил, что «Аксёнов звал “Бочкотару” сюрреалистической вещью» [6: 139]. Владимир Немцев подчеркнул, что «повесть “Затоваренная бочкотара” уже вся – эстетический нокаут современной литературе, точнее, редакторам и литературным критикам, настроенным на поддержание канона» [4: 27].

Модернистский характер повести, нетипичный для произведений того времени, проявился и в формировании *сюжета героя*. Под термином «сюжет героя» мы имеем в виду то, что Л.С. Левитан и Л.М. Цилевич в книге «Основы изучения сюжета» определяют как «картину непрерывно изменяющейся, движущейся жизни людей, прежде всего в ее духовном содержании» [3: 70].

В этой связи важно сказать о роли слова в произведении. Как замечает Тамара Никонова, «слово становится действующим лицом» повести [5: 242]. Отсюда и множество аллюзий к оттепельной культуре и классическим произведениям, индивидуализированная стилистика речи героя и обилие привычных советскому читателю штампов. Поэтому, как метко написал в своей работе Владимир

Немцев, говоря о проблеме цензуры повести, «служебная инструкция не предусматривала запрета подобных, внешне лояльных стилистических оборотов, но по сути – *взрывающих изнутри фразу зарядом сарказма*» [4:30] (курсив наш. – А.В.). Именно игра со словом позволяет автору выстраивать сюжеты героев. Свой мотивный ряд есть у каждого, он легко обнаруживается в тексте, становясь обозначением сюжета персонажа, его меткой.

Для сюжета учительницы Ирины Валентиновны Селезнёвой доминирующими являются *звериные мотивы*. В этой связи фамилии героев – Селезнёва и связанный с ней «удивительный семиклассник» Курочкина – оказываются говорящими. Исходя из значений фамилий, герои гендерно меняются местами. Подобная путаница указывает на сложившуюся в их отношениях иерархию. Интерпретируя эту ситуацию, Щеглов ссылается на труды Фрейда, согласно которым, «появление во сне диких животных означает необузданные страсти» [9: 41]. На наш взгляд, такое осмысление возможно, поскольку органично вписывается в сюжет учительницы, которая на протяжении произведения движется по пути принятия и осмысления своей женской силы. Примечательно, что во сне героини неоднократно появляется лев, причем в двух ипостасях: непосредственно живой, звериной и неживой (изображённый лев). Так, дети превращаются в маленьких львов («Встали львы с лукавыми глазами» [1: 519]) и сразу же появляется изображение льва («Ой, вспомнила – это лев Пиросманишвили» [там же]). Звериный мотив звучит даже в фамилии руководителя практики – Рейнвольф (от нем. *wolf* – волк и названия реки Рейн). Львята же ещё раз появляются в третьем сне Ирины Валентиновны: «<...> а за ним на цепочке плелись мраморные львята мал мала меньше» [1: 551]. На этот раз они уже следуют за Хорошим Человеком, в образе которого легко узнаётся моряк Глеб Шустиков.

Последний тесно связан с сюжетом учительницы. Поэтому в середине повести появляется как бы общая для них двоих аллюзия: «Шустиков Глеб предложил Ирине Валентиновне “побродить, помять в степях багряных лебеды”, и они церемонно удалились» [1: 547]. В этой отсылке к есенинскому стихотворению «Не бродить, не мять в кустах багряных...» проявляется одна из особенностей сюжетостроения повести – контаминация сюжетов героев. Так, есенинские аллюзии, «зацепившие» Ирину и Глеба, характерны в первую очередь для мотивного ряда Володи Телескопова.

Для сюжета Глеба доминирующим является *мотив воды*. Его появление обусловлено профессией персонажа: Шустиков – моряк. Так, в первом сне он вместе с сослуживцами плавает в подводном царстве («Прямо с пончиком в зубах в подводное царство» [1: 517]). В сцене с Романтикой находим причудливое морское сравнение: «А Глеб боролся как мог, и все его бронированное тело дрожало, как дрожит палуба эсминца на полном ходу» [1: 527]. Наконец, в третьем сне моряка встречаем фамилию «Рейнвольф» – отголосок сюжета учительницы и свидетельство контаминации сюжетов. В этом же сне Глеб участвует в соревнованиях по перетягиванию канатов с *подводниками*. В конце же сна и вовсе «хлынул тропический ливень» [1: 553].

Для «старика Моченкина деда Ивана» наиболее характерным оказывается *мотив еды*, который в сюжетах других героев редуцирован. Мочёнкин из всех путешествующих, кажется, больше всех ценит сытные застолья. Так, в первом сне реализуется его желание о кислом квасе. В придачу к нему выдают сухой паёк: «Нате вам сала шашнадцать кило, нате урюку шашнадцать кило, сахару для самогонки шашнадцать кило» [1: 518]. А в третьем сне ему выпишут ещё «узкому ... шашнадцать кило» [1: 557]. В Мышкине старик Мочёнкин от души трапезничает у знакомой кумы Настасьи: «во-первых, съел яичницу из десяти яиц; во-вторых, выпил браги чуть не четверть<...>» [1: 535]. И при этом герой жалеет, что не удалось Настасьёю заранее предупредить о своём приезде, ведь тогда «на столе бы уж ждал корифей всех времен и народов — пирог со щукой» [1: 536]. Яства преследуют героя и во сне, где он в бюллетень вводит «крем-бруле, студень, лапшу утячаю, яичную болтанку» [там же]. Отъезжая из Мышкина, Мочёнкин вкушает «любимый сердцу слабый запах огуречного рассола пополам с пивом» [1: 542]. Таким образом, для Мочёнкина как человека с народными корнями характерно предпочтение старорусской кухни, что отмечает в комментариях Щеглов. В этом смысле говорящей оказывается и фамилия героя – Мочёнкин. Она вызывает ассоциации с мочёными яблоками, которые также считаются старинным блюдом.

Доминирующим в сюжете Вадима Афанасьевича Дрожжина становится *вещный мотив*. Так, первый раз мы встречаем героя во время ожидания машины. Аксёнов делает акцент на его одежде, которая станет одной из неизменных визиток англичанства Дрожжина, – это серый дорожный костюм из лёгкого твида [1: 505]. Далее даётся ещё более детальная характеристика «атрибутов» героя: «В конце концов, всего, чего он добился, – этого костюма “Фицджеральд и сын, готовая одежда”, и ботинок “Хант” <...>» [1:506]. Заметим, что нечто подобное встречаем и в сюжете Мочёнкина: «По сути дела, и радиолы «Урал», и шифоньерка, и мотоцикл, хоть и без хода, – всё дело рук старика Мочёнкина» [1: 508]. Мы наблюдаем целую галерею костюмов Дрожжина в разные периоды его жизни. Так, в начале повести встречаем его в сером дорожном костюме из лёгкого твида, затем появляется вельветовый костюм [1: 506], ещё позже – строгая серая (коричневая) тройка [1: 507]. Маркировка одежды и разнообразие вещей свидетельствуют о характерном для той эпохи культе бирок. Как замечает Щеглов, это мир, в котором «существует детальная, безошибочно всеми осознаваемая иерархия вещей по таким линиям, как дефицитность, “престижность”, материал, модель, страна происхождения, специальные черты <...>» [9: 33].

Главной особенностью сюжета Володи Телескопова является есенинский аллюзивный код. В отличие от других, он выстроен наиболее последовательно. Так, в начале повести встречаем обращение Володи к поэту: «– Эй, Сережка Есенин, Сережка Есенин, – говорит он месяцу, – видишь меня, Володю Телескопова?» [1: 505]. Думается, выбор этого поэта неслучаен. Легкомысленному, как кажется на первый взгляд, парню, любящему впадать в философские размышления во время праздника жизни, именно Сергей Есенин видится наиболее близким по духу человеком (о дружественности свидетельствует фамильярное и при этом душевное в своей простоте обращение).

Следующие отсылки к стихотворениям поэта встречаем в письмах Володи Симе: «не грусти и не печаль бровей <...> Пусть струится над твоей избушкой вечерний несказанный свет» [1: 526], «<...> взволнованно ходили вы по комнате и что-то резкое в лицо бросали мне <...> вы говорили, что нам пора расстаться» [1: 559]; а затем в воспоминаниях о диалоге с Симой: «Зверье такого типа я люблю как братьев наших меньших, а также, Серафима, любите птиц — источник знаний!» [1: 532]. Отметим, что все упомянутые стихотворения, к которым нас отсылают фразы Телескопова (а это «Я иду долиной. На затылке кепи...» (1925) «До свидания, друг мой, до свидания» (1925), «Письмо матери» (1924), «Письмо к женщине» (1925), «Мы теперь уходим понемногу...» (1924)), относятся к позднему периоду творчества поэта, когда момент рефлексии и осмысления прожитой жизни был особенно остр. Поэтому закономерным видятся философские размышления Володи об одиночестве человека во Вселенной. В них открывается глубина кажущейся на первый взгляд простоватой натуры Телескопова. Володя приходит к выводу, близкому идее произведения, – «где любовь, там и человек <...> и потому ищут люди любви, и куролесят, и дурят, а в каждом она есть, хоть немного, хоть на доньшке» [1: 548].

Необходимо отметить говорящую фамилию героя. Согласно словарю русских фамилий, такие фамилии, как Телескопов, «давались ученикам духовных семинарий» [8]. Это объясняет философские устремления и томления Володи. Также очевидно, что фамилия образована от слова «телескоп», обозначающего предмет для наблюдения отдалённых объектов. Володя, в отличие от всех героев, мудрее, он способен постигать тайны жизни, так как его сознание не сковано рамками вещного мира, в котором существует иерархия статусов и престижа. Юрий Щеглов справедливо замечает, что «именно таким персонажам, как Телескопов, т.е. лишенным солидности, неуважаемым и выключенным из истеблишмента, часто оказывается известна тайная мудрость жизни» [9: 20].

Определяющим для всей повести становится *мотив пути*, характерный для всей прозы Аксёнова. Он связан с хронотопом дороги: герои совершают путешествие до станции Коряжск. Как это часто бывает, путешествие вообще оборачивается путешествием к самому себе, внутрь себя. Герои, проходя через различные испытания, переживают перерождение, обретение нового «я». Кроме того, в повести Аксёнова они проходят и путь объединения, что проявляется в соединении сюжетов героев. Это наблюдается во снах героев, где вскрываются их страхи и страсти, персонажирующиеся и становящиеся антагонистами. С ними каждый из путешественников ведёт борьбу, которая и запускает процесс духовного перерождения.

В третьей серии снов начинается процесс объединения героев. Мы перечислим наиболее явные моменты контаминации сюжетных элементов. Так, Генрих Анатольевич Рейнвольф из первого сна учительницы превращается в Генриха Анатольевича Допекайло (отголосок сна Глеба Шустикова). Далее появляется герой из мира Дрожжинина – Диего Моментальный. Здесь же находим и бюрократическую линию, характерную для старика Мочёнкина («Ждали юрисконсульта из облсобеса <...>» [1: 551]). Во сне Глеба возникает фамилия руководителя практики Селезнёвой – Рейнвольф Козьма Елистратович. Шустиков встречает и Лженауку, которая напоминает Хунту «из какой-то жаркой страны» – отголосок сюжета Вадима Афанасьевича. Аналогичные образы-символы есть и во сне Володи (огромные Физика и Химия), и во сне Мочёнкина (Характеристика). Во сне Дрожжинина находим характерные для сюжета Телескопова гастрономические мотивы – бычки в томате.

Поезд, на который спешили герои, приходил в 19.17. Назначенное время, безусловно, символично. Оно может трактоваться как свершение личной революции для каждого из персонажей: переход от «я» к «мы». Герои уходят от одиночества, разобщённости и заново открывают главную общечеловеческую ценность – добро, персонализированное в образе Хорошего Человека. Финалом повести «Затоваренная бочкотара» становится не достижение поставленной цели, но объединение всех очень разных персонажей рекой жизни, ее неостановимостью и внутренней устремленностью к добру.

Таким образом, контаминация сюжетов героев обозначает процесс их внутреннего перерождения, который, в свою очередь, соотносится с идеей всей повести – объединением людей, открытием лучшего в себе и постижением любви как объединяющего начала. Неостановимость человеческого движения и надежда на неперемное чудо взаимопонимания – единственное, что может противопоставить Василий Аксёнов неблагоприятной позднеоттепельной реальности.

Литература

1. Аксёнов В.П. Малое собрание сочинений. — СПб.: Азбука, 2017. – 672 с.
2. Карпенко Г.Ю. Литературная критика 1960-з годов о творчестве Василия Аксенова // Василий Аксенов: литературная судьба. – Самара: Издательство «Самарский университет». – С. 16-25.
3. Немцев В.И. О нарушении канона в прозе Василия Аксенова: (К проблеме гротеска) // Василий Аксенов: литературная судьба. – Самара: Издательство «Самарский университет». – С. 25-32.
4. Левитан Л.С. Основы изучения сюжета. – Рига: Звайгзне, 1990. – 187 с.
5. Никонова Т.А. Людей неинтересных в мире нет «молодежная» проза 1960-х годов. В. Аксёнов // Русская литература XX века: учеб. Пособие: в 2 ч. / под ред. Т.А. Никоновой. – 2-е изд. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. – 2018. – С. 229-244.
6. Петров Д. Жизнь замечательных людей. Аксёнов. – М., 2012. – 440 с.
7. Сидоров Е. Регтайм в стиле Аксенова // Необходимость поэзии: критика, публицистика, память. – Москва : Geleos, 2005. – С. 66-75.
8. Словарь русских фамилий // Электронный ресурс: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/russian-surname/index.htm>. (Дата посещения: 3.04.2021).
9. Щеглов Ю.К. «Затоваренная бочкотара» Василия Аксенова: Комментарий. –М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 152 с.